
Михаил Бурляш
Тайная любовь олигарха
18+

Михаил Бурляш
Тайная любовь олигарха

https://litres.ru/74707659
SelfPub; 2026

Аннотация

Простая студентка и мужчина из топ-10 богатейших людей России.

Её мир — лекции, конспекты и мечты, которым вряд ли суждено сбыться. Его мир — миллиарды, частные самолёты и место в первой десятке олигархов. Его благосклонности добиваются первые красавицы планеты, его дружбы ищут президенты.

Но смотрит он только на неё.

Их роман вспыхивает внезапно и стремительно, будто у обоих совсем мало времени. Так и есть: этой любви отпущено чуть больше года — между двумя трагедиями, которые потрясут весь мир. Любви, о которой не должен знать никто.

А потом он исчезает. Не уходит, не бросает — исчезает так, будто его никогда не было. Но что, если где-то совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, он всё ещё её ждёт?

Современная история Золушки с мистической тайной и финалом, который не отпускает ещё долго после последней страницы.

Содержание

Часть 1. РУБИНОВЫЕ ЗВЁЗДЫ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Михаил Бурляш
Тайная любовь олигарха

Девушке, которую я любил. И которой больше нет.

В современной сказке про Золушку ровно в полночь отрубается вай-фай, а интернет превращается в радио Шансон.

Часть 1. РУБИНОВЫЕ ЗВЁЗДЫ

1.

Его зовут Дмитрий. У него синие глаза, прямые волосы цвета тёплой меди, легкая неуловимая улыбка и привычка потирать переносицу указательным пальцем в моменты задумчивости. Ему тридцать, но он выглядит моложе, почти как мой ровесник. Возможно, потому что любит морозный воздух Швейцарии, где его регулярно застают светские репортёры, а может, благодаря бизнесу своей сестры, владелицы известного российского синдиката красоты.

– Виктория, в каком уголке России вам было бы интересно побывать? – спрашивает он, и я замираю. «В твоём доме», – хочется сказать мне, но после секундного замешательства я беру себя в руки и отвечаю: – Россия такая большая, Дмитрий… Я и Москву-то толком не видела.

– А хотели бы увидеть? – спрашивает он и подмигивает. Или мне только показалось, и он просто прищурился, чтобы спрятать свой красивый синий глаз от случайного солнечного зайчика?

– Конечно, хотела бы, – отвечаю я и добавляю, чувствуя, как кровь приливает к щекам, – и хочу.

– Тогда мы сделаем так. Завтра вечером – скажем в восемь – я заеду за вами и покажу вам город. А в качестве аванса за экскурсию вы дадите мне свой номер телефона.

Он снова улыбается, и я диктую ему свой московский номер, чувствуя, как горят щёки. Он кивает мне на прощание и уходит в сопровождении свиты, состоящей из рослых, спортивных дядек в хорошо пошитых костюмах. Глядя им вслед, я вижу, что он на голову выше своих …помощников? …телохранителей? Большой человек. Я невольно улыбаюсь, вспомнив вычитанное когда-то у Шелдона выражение «Дон Винтон – Большой человек». Помнится, оно было связано с мафией. Я невольно хмурю брови: интересно, связан ли Он с мафией? Правда, отец говорил, что в России сейчас нет мафии… Провожая меня в аэропорту, он шептал мне на ухо, пока не слышала мама: «Ты не бойся, Викуль, там сейчас спокойно. Сейчас ведь не девяностые, мафии и бандитов нет. Правда, есть кое-что похуже». «Что, пап?» – с любопытством спросила я. Отец вздохнул и ответил: «Запомни, дочь, Россией сейчас правит три «К». «Какой ещё Трика?» – удивилась я. Отец усмехнулся и повторил: «Не «трика», а три «К» – клановость, коррупция, круговая порука». От этих слов мне стало как-то не по себе. Мама всё-таки услышала наш разговор и добавила назидательно: «Есть мафия, нет мафии, а сумку всегда носи закрытой и в машины с незнакомцами не садись!»

И вот теперь один из этих «незнакомцев» пообещал показать мне Москву. Что я знаю о нём? Его зовут Дмитрий. У него синие глаза, рыжие волосы, неуловимая улыбка и привычка потирать переносицу. И ещё он самый настоящий оли-

гарх, из первой десятки русских богачей в «Форбсе».

2.

В Германии я оказалась в 10 лет, вместе с родителями. Этот переезд стал для меня трагедией. На родине осталось всё, что было привычно и дорого: друзья, любимая школа, танцевальный кружок, первая любовь… Из хорошенькой отличницы, вокруг которой постоянно роились мальчишки, я внезапно превратилась в презираемого всеми изгоя, в объект насмешек и безжалостных шуток ровесников, в безголосое существо, которое не понимает ни слова из того, о чем говорят вокруг. Я ужасно хотела говорить, кричать сквозь слёзы, что мы такие же люди, как все остальные, но мой безмолвный крик был слышен только мне самой.

Сколько помню свою жизнь в Германии, я всегда мечтала вернуться домой, в Россию. Оглядываясь назад, я отчётливо понимаю, что именно это желание стояло у истоков всех моих достижений. Когда другие эмигрантские дети клянчили у родителей мелочь на жвачку и разноцветные конфетки, с моего лба пот лился ручьём на учебник немецкого языка. Мне ужасно хотелось превратиться из бессловесного немтыря и «руссише шлайм» в человека, которого будут слышать и слушать.

Время от времени, когда никто не видел, вместо пота на учебник капали слёзы. Немецкий никак не хотел сдаваться, и бывало, что я в сердцах закидывала учебник в самый дальний угол комнаты. Впрочем, на следующий день он доста-

вался обратно, и я снова бралась за науку.

Когда я уже достаточно бегло говорила по-немецки, в моём классе появился новичок, высокий спортивный блондин по имени Себастьян, на которого положили глаз сразу несколько девочек. Жизнерадостный симпатичный весельчак Себа учился так себе, большую часть времени пропадая в спортзале и на соревнованиях. Он открыто флиртовал и заигрывал с одноклассницами, но всерьёз ухаживал лишь за мной.

К тому времени я только-только начала – как бы это лучше сказать? – социализироваться. И потому очень настороженно относилась к любому проявлению интереса к своей скромной эмигрантской персоне, помня насмешки и издевательства, через которые пришлось поначалу пройти. К тому же я не всегда понимала шутки Себы и из-за этого постоянно краснела. Он приручал меня постепенно. Пару раз мы сходили в кафе, где он угощал меня мороженым и кофе со сладкими пончиками, и дважды – в кино на романтические фильмы. А потом я оказалась посреди толпы болельщиков на городском баскетбольном матче, где в одной из команд играл мой длинноногий ухажёр.

Именно после этой игры моя настороженность несколько ослабла, и мне показалось, что у нас с Себастьяном настоящий роман. Его команда выиграла, и после финального свистка он запрыгнул на трибуну, разыскал меня в толпе и стал радостно лапать. Возбуждение от победы переда-

лось и мне, и именно тогда, посреди разношёрстной толпы немецких болельщиков, мы впервые поцеловались. В процессе этого победно-спортивного поцелуя где-то в глубине моей души мелькнула робкая мысль о том, что, может быть, и в чужой стране я смогу быть счастлива.

Этой мысли не суждена была долгая жизнь. Буквально на следующий день после уроков в сквере у школы меня встретили три одноклассницы, которые объявили, что моя «русская рожа не пара Себастьяну» и что если я хоть раз ещё с ним встречусь, «русская рожа» превратится в «русский фарш». Слово «русская» они произносили сквозь зубы, как ругательство. Когда я услышала его в третий раз, внутри меня что-то взорвалось, и как только одна из них попыталась меня толкнуть, какая-то полузвериная злость наполнила мои руки силой, и я стала отчаянно молотить кулаками, за несколько секунд растолкав своих обидчиц в разные стороны.

Как сейчас помню эту картину: я стою на посыпанной красной гранитной крошкой аллее, среди аккуратно подстриженных карликовых деревьев, раскрасневшаяся, растрёпанная и запыхавшаяся. Рядом на дорожке сидит оступившаяся под моими ударами белобрысая шестнадцатилетняя немка, обмотанная шарфом а-ля хиппи, две другие застыли в стороне с выражением крайнего удивления на лице. И в этот момент краем глаза я замечаю, что за всей этой сумбурной сценой кто-то наблюдает…

Повернув голову, медленно–медленно, как в замедленной съёмке, я вижу, что «кто-то» – это долговязый красавчик Себа, который с довольной ухмылкой следит за девчачьей перепалкой. На его лице всеми цветами радуги переливается откровенное самодовольство, мол, «это из-за меня девицы друг друга мутузят». Нет, правильней написать вот так: «из-за Меня!!!»

Именно в этот момент вместе с едва успевшими завязаться симпатиями к Себастьяну в моём сердце умер интерес ко всем немецким мужчинам сразу, на долгие годы превратив меня в настороженного колючего волчонка. Умер по-настоящему, без права воскрешения.

Хорошо хоть, что не ко всем мужчинам вообще…

3.

Дмитрий пунктуален. Ровно в 20:02 возле дома моей подруги, у которой я живу, стоят два аккуратных черных джипа, сверкающих, как только что из салона. Мы с Таней смотрим на них из окна кухни и глупо хихикаем. Как будто нам не по двадцать два, а, скажем, по тринадцать.

– Почему их два? – шёпотом спрашивает меня Таня, как будто те, за окном, могут нас услышать.

– Не знаю, – так же шёпотом отвечаю я, – может, второй – запасной? Ну, как «запаска» у автомобиля.

Мы снова хихикаем, и Таня говорит мне назидательно:

– Он ведь олигарх, а значит, богач… Его жизнь дорого стоит. А раз так – её надо охранять. Ну, как если бы он был

картиной… Леонардо да Винчи, скажем.

– Картины Леонардо не продаются, – машинально замечаю я.

– А ты думаешь, Дмитрий Хуторов продаётся? – подкалывает меня Таня. – Однако и картины, и олигархов время от времени необходимо перемещать в пространстве, Викуль. А значит, усиленно охранять. И, кстати, сегодня причина его перемещения – это ты…

Я чувствую, что краснею и улыбаюсь, вспомнив выражение Таниного лица, когда я ей сказала, КТО пообещал мне экскурсию по городу. Сначала она отказывалась верить, но моя безупречная репутация честной девушки сыграла свою роль и, округлив глаза, Татьяна потащила меня к своему лэптопу, чтобы поискать, что пишут о Хуторове в интернете. Первым делом мы, конечно, залезли в «Википедию».

Вот что рассказала «Википедия»:

«Дмитрий Михайлович Хуторов (род. 10 октября 1984 г., Москва, СССР) — российский предприниматель, миллиардер. Президент частного инвестиционного фонда «Брандон Плюс», владелец корпорации «Север-Платина»; президент союза «Мастера Меча» (союз профессиональных фехтовальщиков на мечах) и куратор российского клуба любителей Кендо».

– Вот оно! – на слове «фехтовальщики» меня вдруг осенило и захотелось завопить архимедовское «эврика!». – Вот почему он обратил на меня внимание!

– В каком смысле? Ты о чём? – удивилась Татьяна.

– О своей фамилии, Тань, – теперь, когда мозаика в моей голове сложилась, мне было странно, что Татьяна не понимает, о чём я говорю.

– А причём тут твоя фамилия? Обычная немецкая фамилия, ничего особенного, – продолжала «тормозить» подруга.

– Тань, ну, как ты не понимаешь! – мне не терпелось выболтать подруге весь сумбур, загромоздивший мою голову за одну минуту, – Моя фамилия дословно означает «поединщик». Я когда-то в юности интересовалась происхождением своей фамилии, перерыла кучу источников…ну, не суть. Так вот, моя фамилия появилась примерно в конце 14 века. Тогда поединщиками называли мастеров фехтования. Фехтер – это поединщик, понимаешь? Fechter!

Но Танька не понимала. Пришлось напрячь память и выдать ей всё, что удалось вспомнить.

– У фехтеров были свои союзы, с сословиями, традициями, мастерами, со своими ритуалами, Тань, это были настоящие кланы фехтовальщиков. Один из самых известных назывался «Марковы братья», а те, кто в него входил – «мастерами меча». Мастерами меча, улавливаешь? Союз был основан в Нюрнберге, но по-настоящему раскрутился, когда переехал во Франкфурт-на-Майне!

– Ух ты, прямо во Франкфурт? – в глазах Татьяны промелькнула искра неподдельного интереса. – Так значит, не зря ты во Франкфурте оказалась, Викуль?

– Может, и не зря…. Я как-то не задумывалась над этим, Тань. Да и это ж в незапамятные времена было, ещё в пятнадцатом веке. Тогда Франкфурт все знали не как финансовый центр Европы и аэропорт, где все делают пересадку, а как столицу фехтования всей Европы, прикинь! Эти «мастера меча» со временем стали монополистами, и стать профессиональным фехтовальщиком можно было, только приехав на осеннюю ярмарку во Франкфурт и сразившись с капитаном и четырьмя мастерами "Марковых братьев"… Ну, в общем, это долгая история. Шпаг тогда не было, сражались в основном на мечах…

– Постой, – похоже, до Татьяны начало «доходить». Она повернулась к монитору лэптопа и прочитала вслух: «Президент союза «Мастера Меча»… Хм, так значит Он тоже…фехтер?

– Ну, нет, – я даже рассмеялась, таким забавным мне показалось это слово в Таниных устах относительно Дмитрия. – Он Хуторов. Но какое-то отношение к фехтовальщикам на мечах безусловно имеет. Иначе его не зацепила бы моя фамилия.

Мне стало грустно. Я-то думала, что Дмитрия заинтересовал вопрос, который я задала ему во время его встречи со студентами. А ему всего лишь показалась интересной моя фамилия, по случайному совпадению попавшая в сферу его интересов…

И теперь этот председатель союза русских мастеров ме-

ча, а по совместительству миллиардер, основатель, олигарх и прочее, и прочее, сидит под окном нашего дома в одном из навороченных внедорожников, чтобы... показать Москву несуразной студентке из Германии, задавшей ему накануне нелепый вопрос на студенческой конференции.

«Так всё дело в моей фамилии? Или всё-таки?..» – в очередной раз спрашиваю я себя, и открывшийся лифт поглощает меня вместе с моими легкомысленными вопросами.

4.

На самом деле я родилась с фамилией Ковалёва и прожила с этой фамилией целых шестнадцать лет. Когда пришло время получать немецкий паспорт, я уже довольно сносно говорила по-немецки и даже обзавелась парой подружек и приятелей. И мне страшно надоело, что мою фамилию поганят и уродуют преподаватели в школе и в танцевальной студии, куда я с некоторых пор начала ходить. «Ковалийова», «Кови-лева», «Кобалива» – только и слышала я, и не было этому мучению конца и края.

Меня спасла бабушка. Вернее, её фамилия. У бабушки была удивительная история жизни. В начале 60-х она была очень успешной советской гимнасткой. В 66-м году в составе советской делегации она приехала на 16-й чемпионат мира по спортивной гимнастике, который проходил в Дортмунде. Это было ещё до объединения Германии, и чемпионат проходил в ФРГ. И именно в Дортмунде Евгения Ковалёва встретила мужчину, который перевернул всю её жизнь. Мой

будущий дедушка Михаэль Фехтер тогда работал фотографом в одной крупной немецкой газете, и ему ужасно глянулась гибкая русская гимнасточка с огромными глазами. Уж не знаю, как ему удалось, но он уговорил её на приватную фотосессию. Это была взаимная любовь с первого взгляда…

Сейчас бабушка обожает рассказывать эту чудо-историю. По меньшей мере, с десяток раз я слышала о том, как она под покровом ночи сбежала из-под бдительного ока парторга делегации, выйдя из гостиничного номера завернутой в парчовую занавеску. Времена были глубоко советские, и парторг (наверняка имевший отношение к КГБ) до поздней ночи сидел в холле этажа, где жили русские гимнастки. Не было ни малейшей возможности проскользнуть мимо него незамеченным.

По счастливой случайности на этом же этаже жили спортсменки из Индии и, когда бабуля увидела одну из них в красивом ярком сари, на неё снизошло озарение. Она сняла с окна номера занавеску, насколько смогла красиво задрапировалась в неё, закрыла тканью нижнюю часть лица и нарисовала на глазах нехарактерные для неё «стрелки». В таком затейливом одеянии с бешено бьющимся под парчой сердцем она вышла в холл. Парторг окинул её равнодушным взглядом и уткнулся в свою газету. За бабушкой приехал лифт и увёз её к ждущему внизу дедушке…

Честно говоря, у меня нет уверенности, что всё было именно так, но бабушка страшно любит рассказывать эту ис-

торию, и я всегда вынуждена слушать её как в первый раз. Про то, что было потом, бабушка рассказывать не любит. Потому что потом была разлука, возвращение домой, беременность, скандал, уход из спорта и исключение из комсомола.

Родить одной без мужа в 1967 году – да ещё и от иностранца – было в Советском Союзе сродни преступлению. Однако бабушке дважды повезло. Первый раз с родителями, которые полностью взяли её под своё крыло и позаботились и о ней, и о ребёнке (это был мой папа). А второй раз – с дедушкой, который оказался однолюбом и совершил невозможное в борьбе за любимую женщину и её счастье.

В 1970 году он женился на бабушке, невероятными усилиями добившись приезда в Москву на полгода фотокорреспондентом. В том же году бабушка уехала вместе с ним в Германию, оставив трёхлетнего сына на попечение родителям. Тогда многие осуждали её за этот поступок, и только годы спустя стало известно, что выезд за границу вместе с ребёнком ей был заказан. На то были по-настоящему серьёзные причины… Только в конце 90-х, уже после развала Союза, семья, наконец-то, воссоединилась, и бабушка начала приезжать к нам, а мы к ней.

За без малого тридцать лет, которые мы провели врозь, произошла уйма событий. Во-первых, мой папа вырос, окончил институт и женился на маме. Во-вторых, бабушка за это время превратилась в шикарную цветущую фрау приятной полноты, а дедушка – в элегантного совладельца солидно-

го книгоиздательства во Франкфурте. В-третьих, в семье появилась я. Когда мы с бабушкой впервые познакомились, мне было пять, а ей пятьдесят; трудно сказать, кто был сильнее рад встрече. Мы несколько раз гостили друг у друга, и каждая поездка превращалась в праздник.

К сожалению, жизнь на две страны продлилась всего пять лет. Когда мне исполнилось десять, дед убедил отца переехать в Германию. Детей они с бабушкой больше не родили, и дедушка горел желанием передать папе своё дело.

Вся эта замысловатая цепочка событий привела к тому, что к шестнадцати годам на моих барабанных перепонках образовалась мозоль от бесконечно раздражающих «ковалийовых», «кови-левых» и «кобаливых». Поэтому, заполняя прошение о выдаче паспорта, я указала, что хочу носить фамилию Фехтер, как у бабушки. Ну, и как у дедушки, разумеется, чему он был несказанно рад.

5.

Мы медленно едем по Садовому кольцу, Дмитрий уверенно крутит руль и улыбается мне уголком рта. Второй джип «висит на хвосте» как приклеенный. Разговор крутится вокруг моей учёбы, вокруг жизни в Германии, вокруг любимых книг и фильмов. С каждой минутой разговора, с каждым километром московских дорог общаться становилось всё легче и приятней. Неловкость первых минут куда-то испарилась, оставив в чистом остатке лишь интерес и невероятное обаяние Дмитрия.

– А теперь, Виктория, посмотрите направо. Видите парк, который мы проезжаем? Он когда-то принадлежал Екатерине Второй. При ней тут росли ананасы. А во времена Гоголя и Пушкина тут был открытый эстрадный театр, в котором часто выступали иностранные иллюзионисты…

– Интересно, и какие же фокусы показывали в те времена? – интересуюсь я, чтобы поддержать тему.

– Ну… Для примера: один известный фокусник оживлял здесь мертвую ласточку. По-настоящему. Публика вопила от восторга…

– И как же он это делал? – искренне удивляюсь я. Разговоры о фокусах мгновенно превращают меня в ребёнка.

– Ловкость рук, Виктория, вечный секрет гениальных иллюзионистов, – улыбается Дмитрий и мне хочется улыбаться ему в ответ. – Секрет фокуса прост: у мага были очень чувствительные пальцы. Сначала он нажимал на шейке птицы сонную артерию, и ласточка на какое-то время теряла сознание. Он показывал её зрителям, чтобы убедить их, что птичка мертва. Пока ласточка приходила в себя, фокусник делал всякие магические пассы, и она «оживала» к восторгу публики…

– Как интересно! – я представляю, как «оживает» лежащая на ладони фокусника ласточка, и мне хочется пищать от восторга. – Когда знаешь секрет, это кажется таким простым.

– Это да. Некоторые старинные фокусы на первый взгляд кажутся просто волшебством, если не знать их секрета. На-

пример, один иллюзионист, который называл себя «великий Лафайет» – между прочим, немец (с этими словами Дмитрий подмигивает мне, и я снова расплываюсь в улыбке), – несколько раз за представление превращался в своих помощников или превращал их в себя. Его коронным номером было превращение темнокожего ассистента…

– Превращение ассистента? – я готова слушать его, разинув рот.

– Да, он вызывал на сцену своего темнокожего ассистента и гримировал его лицо, шею, руки, превращая в белого. Надевал на него синий сюртук со звёздами, серый цилиндр с красно-белой лентой и приклеивал клинообразную бородку. Загримированный помощник, сильно смахивающий на дядю Сэма, подходил к рампе, резко сдергивал с себя цилиндр и бороду и оказывался самим Лафайетом!

– Ничего себе! – пищу я от восторга, живо представляя всё, что описывает Дмитрий, – но как?!

– Секрет Лафайета достаточно прост, – говорит довольный произведённым эффектом Дмитрий и добавляет, понизив голос, – я и сам им иногда пользуюсь, Виктория. Но это большая тайна!

Я замолкаю, не вполне уверенная, что могу продолжать расспросы об изнанке всех этих превращений, и Дмитрий меняет тему:

– Ну, так что? Как называется этот парк, ставший свидетелем стольких чудес? Знаете?

Я зависаю, лихорадочно перебирая в голове известные мне названия московских парков. Парк Горького? О, ужас, кроме названия этой музыкальной группы мне ничего не приходит в голову!

– Виктория? Почему вы замолчали? Вам скучно со мной?

– Нет-нет, – быстро отвечаю я, – совсем не скучно.

– Ну, вот и угадали, это Нескучный сад!

Мы переглядываемся и, не сговариваясь, начинаем смеяться.

– Так это здесь снимают «Что? Где? Когда?», – наконец-то припоминаю я. – Вы знаете столько интересного, Дмитрий, может, расскажете, почему он так называется?

– Обязательно расскажу, но чуть позже. Мы приехали.

За увлекательной болтовнёй я совсем не заметила, как мы припарковались у высокого светлого здания, украшенного целой кучей неоновых вывесок. Похоже, это какой-то отель. Дмитрий выходит из машины, открывает дверь с моей стороны и помогает мне выйти из машины. Да уж, от немца такой галантности не дождёшься! Из второй машины выходит крепкий спортивный юноша с приятным славянским лицом и садится в наш джип, занимая место водителя, ещё тёплое после ягодиц Дмитрия. Поймав себя на этой мысли, я отчаянно краснею. Ну, что за глупости лезут мне в голову!

Дмитрий сгибает левую руку, и я неуверенно кладу пальцы на его локоть. На нём рыжий замшевый пиджак, прикасаться к которому нереально приятно. А может, дело вовсе

не в пиджаке?

Мы входим в отель и идём по длинному коридору к лифтам, один из которых за несколько мгновений поднимает нас на двадцатый этаж. Со слегка кружащейся от скоростного подъёма головой я вхожу вслед за Дмитрием в шикарно обставленный длинный коридор, драпированный в красно-черные тона. Вдоль стен стоят дивные белые диванчики в стиле барокко (а может и рококо – вечно я их путаю!) На одном из них сидит элегантная блондинка в изумрудной шёлковой блузе с поразительно знакомым лицом и курит тонкую сигарету через изящный золотистый мундштук…

– О, Дима, рада тебя видеть! – она подаёт моему спутнику длинную руку в полупрозрачной перчатке. Глядя на эту вызывающую изящность, я не могу думать ни о чём, кроме того, что на мне обычные джинсы и совершенно обычная синяя блузка в белую полоску, делающая меня похожей на морячку. И весь этот тряпичный минимализм прикрыт дутым синим пуховиком, далёким от элегантности, но зато тёплым.

Дмитрий пожимает её руку в перчатке и говорит с теплом в голосе:

– Привет, Лайма, ты сегодня просто обворожительна. Как и всегда, впрочем. Познакомься с моей спутницей. Это Виктория. Виктория, это Лайма.

Я улыбаюсь и выдавливаю из себя «добрый вечер». Меня охватывает неловкость и напряжение. К счастью, мы не задерживаемся рядом с мисс Изящество с именем лимона

и идём дальше. Всего несколько шагов – и мы оказываемся в красивом необычном ресторане со стеклянной стеной, за которой как на ладони лежит вся Москва. Я ахаю от открывающегося вида, не в силах сдержать восторг.

– Думаю, если заказать любимое шампанское Джеймса Бонда, оно идеально подчеркнёт ваши эмоции, Виктория, – улыбается Дмитрий и говорит возникшему из ниоткуда официанту:

– Бутылку «Bollinger Grande Année», пожалуйста. Слегка охлаждённую.

– Вы тут завсегдатай, Дмитрий? – спрашиваю я, не в силах оторвать взгляд от города за стеклом.

– Не то чтобы завсегдатай, Виктория, так, бываю иногда, – Дмитрий отодвигает изящный стул от столика на двоих, и я снова отмечаю про себя его галантность, которую раньше видела разве что в кино.

Немецкие мужчины далеки от обходительности. Открыть женщине дверь, пропустить даму вперёд, отодвинуть стул – это всё не про них. А уж заплатить за совместный ужин!.. Такого в моей жизни не было ни разу. Хотя нет, вру, был один случай. За моей подругой Соней одно время ухаживал немец, финансист из коммерческого банка. Совершенно «упакованный», как говорят в России. Так вот, однажды он пригласил её в ресторан. Соня так увлеклась аппетитным меню, что заказала несколько дорогих блюд сразу, что-то вроде черепашьего супа и лобстеров. На что немец, строго поджав

губы, сказал: "Я не заплачу за это, пока ты всё не съешь".

Вспомнив эту историю, я тайком бросаю взгляд на Дмитрия, который лениво листает красочное меню, и решаю заказать что-нибудь подешевле. Опускаю глаза в список блюд и ужасаюсь – самый дешёвый салатик стоит около двадцати евро!

– Что-нибудь выбрали, Виктория? – словно подслушав мои мысли, спрашивает сидящий напротив олигарх.

– Честно говоря, тут всё такое экзотическое, даже не знаю, на чём остановиться… Может, сами выберете что-нибудь для меня? Как завсегдатай, – я пытаюсь скрыть замешательство улыбкой, и Дмитрий улыбается в ответ.

– Хорошо, Виктория, так и сделаем…

Подходит официант с бутылкой шампанского и другой – с серебристым ведёрком на подставке. Дмитрий быстро делает заказ и отпускает официантов, показывая им жестом, что сам откроет шампанское. Это необычно. Дмитрий так ловко и уверенно открывает бутылку, что я не могу оторвать глаз. Шампанское прохладное и терпкое; язык слегка пощипывает, а голова кружится. Как-то незаметно мы с Дмитрием переходим на «ты». Он прекрасный рассказчик, и слушать его – удовольствие. Рассказывая, он иногда жестикулирует, и, кажется, что его пластичные пальцы ткут какое-то невидимое полотно.

– Ну, а теперь можно и про Нескучный сад. Вика, ты видела когда-нибудь живые скульптуры?

– Живые скульптуры? – загипнотизированная его пальцами, я не сразу соображаю, о чём он спрашивает. – Конечно, видела, у нас во Франкфурте их много. Особенно в центре по выходным. Студенты обычно наряжаются и так подрабатывают…

– А откуда эта забавная традиция пошла, знаешь?

– Мне кажется, из Италии или Испании. Я где-то читала, что мимы, загримированные под памятники, впервые появились в Барселоне. Кажется, лет тридцать-сорок назад.

– У тебя широкий кругозор, Вика, – Дмитрий одобрительно кивает головой. Я краснею от удовольствия, как школьница, которую похвалил учитель, и спешу добавить:

– Спасибо, но людей гримировали под скульптуры и раньше. Самая известная такая скульптура – это золотой мальчик, который символизировал золотой век на новогоднем празднике одного миланского герцога…

– А праздник устраивал затейник Леонардо да Винчи, который соорудил механическую фигуру железного рыцаря, как символ века войн, а мальчика покрыл золотой краской и спрятал внутри рыцаря, – продолжает мой рассказ Дмитрий и касается своим бокалом моего. Я хмыкаю – и правда, нашла, кого удивить своей начитанностью.

– И какое отношение это имеет к Нескучному саду? – я чувствую, что пузырьки шампанского разрываются внутри меня, как маленькие фейерверки, и меня охватывает эйфория и ощущение праздника. И в самом деле, разве это не

праздник? Я сижу в шикарном ресторане, за одним столиком с уверенным в себе рыжеволосым мужчиной, а за окном сгущаются сумерки, и Москва вспыхивает миллионами огоньков. Несколько месяцев назад такая ситуация показалась бы мне несбыточной сказкой: Москва, мужчина, шампанское Джеймса Бонда… Неужели это всё на самом деле? Ущипнуть себя, что ли? Наверное, будет странно выглядеть, если я вдруг начну себя щипать в общественном месте. Да и ещё неизвестно, чем закончится этот сказочный вечер: не превратится ли олигарх в крысу, а его джип – в тыкву?

– Отношение самое прямое, Вика, – Дмитрий продолжает свой рассказ, – на самом деле родина «живых скульптур» – это Россия. Если, конечно, не считать леонардовского «золотого мальчика». При Екатерине Второй Нескучный сад был напичкан редкими и экзотическими растениями, привезёнными со всех концов света, а его аллеи украшали красивые садовые скульптуры, изображающие всяких нимф и античных героев.

Чтобы уберечь все эти красоты от вандалов, которые, увы, встречаются во все времена, в саду держали целый штат сторожей. Однако времена были такие, когда очень ценилось «комильфо», когда уважали понятие privacy; в парках не распивали спиртное и не сорили бычками, а культурно прогуливались и назначали свидания. Как любовные, так и деловые. (*Дмитрий снова подмигивает, и я удивлённо поднимаю брови – не слишком ли это легкомысленная привычка для*

миллиардера?) Так вот, чтобы сторожа не смущали посетителей и не мешали им прогуливаться и культурные беседы беседовать, их с ног до головы вымазывали мелом. Завидев посетителей, они замирали где-нибудь в сторонке и притворялись скульптурами.

– Здорово придумано, – одобрительно замечаю я.

– Это ещё что, – продолжает Дмитрий. – Сторожа хранили неподвижность только при добросовестных пользователях сада, если так можно выразиться. А вот когда гуляющие начинали хулиганить и безобразничать, например, срывать цветы или отламывать ветки от диковинных деревьев, тогда-то замаскированные сторожа и подавали голос! Представляешь, какой эффект это имело? В общем, по городу поползли слухи о говорящих скульптурах, и народ хлынул в парк, прозвав его «нескучным садом». Такая вот история…

Дмитрий подливает шампанского в наши бокалы, и они наполняются пузырящимся золотистым вихрем. Официанты приносят нереально красивые блюда, которые я как ни стараюсь, не могу соотнести с чем-то, что ела раньше. Во всяком случае, по внешнему виду. Разглядывая замысловатую съедобную композицию в своей тарелке, я, наконец-то, решаюсь задать вопрос, который крутится в моей голове со вчерашнего вечера.

– Дмитрий, а почему вы меня пригласили сегодня?

Рыжеволосый олигарх кладёт свою руку на мою, от чего меня пронзает словно током, пристально смотрит мне в глаза

изучающим взглядом и отвечает так, как, наверное, ответил бы ясновидец, умеющий читать мысли:

– Ну, уж во всяком случае, не из-за фамилии, Виктория, хотя она у тебя весьма интригующая…

6.

Да, с фамилией мне повезло. Но ещё больше повезло с бабушкой, которая стала доброй феей в моей жизни. Бабушка умела превосходно шить и часто перешивала мне свои наряды, благодаря чему я выглядела достойно на любом мероприятии. А после того как я взяла её фамилию и перешла в другую школу, у меня начался новый этап в жизни. За мной пытались ухаживать мальчишки, и русские, и немецкие, но меня они больше не интересовали. Я бросила все силы на учёбу – решила делать карьеру. Слишком много было перед глазами примеров, когда русские эмигранты либо жили на пособие по безработице, либо вкалывали на не престижной работе, засунув куда подальше свои дипломы врачей, учителей, юристов, технологов…

Дворники, уборщики, санитары, водители грузовиков, мусорщики, чернорабочие, сантехники… Всё то, что в России делают приезжие неславянские граждане, в Германии чаще всего делают русские или эмигранты из других стран: турки, украинцы, поляки, литовцы. Мне такая перспектива совсем не улыбалась. Конечно, я могла рассчитывать на работу в дедушкином издательстве, но мне ужасно хотелось добиться всего самой.

После школы я выбрала учёбу в университете, юридический факультет. Всегда мечтала внести свою лепту в поддержание баланса справедливости в этом мире, и почему-то была уверена, что юриспруденция – самый верный способ.

Учиться было непросто, особенно учитывая, что на жизнь пришлось зарабатывать самой. Отец, конечно, выделил денег на учёбу, но просить у него ещё и на карманные расходы было стыдно. В итоге, начиная с первого семестра, я по выходным работала «на баре» в русском ночном клубе. Клуб был раскрученный, и платили там хорошо. Да и работа оказалась познавательной.

Во-первых, я научилась делать невероятное количество разнообразных коктейлей, а во-вторых, приобрела жизненно необходимые любой девушке навыки «отшивания» приставучих подвыпивших мужичков...

Дополнительным бонусом ночной работы стала возможность личного общения с российскими музыкантами, которые время от времени приземлялись во Франкфурте с концертами.

С одной музыкальной рок-командой я даже проехала по всей Германии. Одна из официанток клуба закрутила роман с барабанщиком, и он потащил её с собой в тур. Ей было страшновато ехать одной, и она уговорила меня присоединиться. Были зимние каникулы, и я с радостью поехала, тем более что у ребят был собственный автобус, а мои гостиничные расходы они взяли на себя. Это было настоящее приклю-

чение и реальный драйв! На каждом концерте лидер группы взывал к публике «Друзья! Бросайте всё и возвращайтесь – будем вместе строить новую Россию!» Его слова, ставшие лейтмотивом поездки, отчеканились в моём сердце.

Во время поездки нам удалось неплохо подружиться. Но особенно ко мне привязался массажист группы, которого все называли Витюня. Это был крепкий парнишка моего возраста с лицом херувима и руками, которые снимали любую усталость за пять минут. Девчонки поглядывали на него с интересом, но он ни за кем не ухаживал, и в автобусе на его счёт ходили самые разные версии.

Я в эти версии не вникала: со мной он вёл себя как лучшая подружка, а лучших подружек не допрашивают. Так получилось, что где-то в дороге он подхватил простуду и в одном из пунктов нашего тура слёг с температурой. В тот день я не пошла на концерт, а весь вечер продежурила рядом с Витюней, отпаивая его чаем и всякими лекарствами. Потом долечивала его в дороге, хотя полностью он так и не выздоровел до отъезда.

Обнимая меня на прощание, Витюня сказал, что я ему «как сестрёнка теперь». И ещё, что он будет очень, очень рад меня видеть, где бы и когда бы мы ни встретились. Это было забавно и так трогательно, что я даже расплакалась.

В целом, жизнь шла по устоявшейся орбите: днём учеба, вечером зубрёжка, по выходным работа в клубе… Можно было бы сказать, что год выдался безумный, если бы следу-

ющий не стал ещё безумней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.